

ЩИТ И МЕЧ

АЛЕКСАНДР ВИТКОВСКИЙ

ВОЕННЫЕ
ТАЙНЫ
ЛУБЯНКИ

Щит и меч

Александр Витковский
Военные тайны Лубянки

«Алисторус»

2007

УДК 355/359
ББК 63.3

Витковский А. Д.

Военные тайны Лубянки / А. Д. Витковский — «Алисторус»,
2007 — (Щит и меч)

ISBN 978-5-9265-0394-1

События Великой Отечественной все отдаляются от нас во времени. Уже мало осталось на белом свете тех, кто пережил эту войну. А многие ее тайны до сих пор не раскрыты. Их хранят и архивы спецслужб. Книга профессионального журналиста, полковника запаса органов госбезопасности Александра Витковского, имевшего доступ к материалам, еще недавно носившим гриф строгой секретности, – о тайнах жизни и смерти самого известного заключенного Великой Отечественной Якова Джугашвили, резидента советской военной разведки Рихарда Зорге, о вербовке разведчиков-нелегалов, о допросах главарей Третьего рейха и многом другом написана на основе недавно рассекреченных документов ФСБ.

УДК 355/359

ББК 63.3

ISBN 978-5-9265-0394-1

© Витковский А. Д., 2007

© Алисторус, 2007

Содержание

Вместо предисловия	6
Первые, самые страшные месяцы	7
Кто проморгал начало войны	7
Яков Джугашвили – личный пленник Гимmlера	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Витковский

Военные тайны Лубянки

© Витковский А. Д., 2007

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

Вместо предисловия

Сейчас о войне говорят неохотно и мало. Может, тема изъезженная и набившая оскомину, а потому и маятник нашего внимания качнулся в противоположную сторону, сторону молчания и забвения. Может, время другое, и в голове тьма сегодняшних проблем, которые вытесняют прошлое. Тут уж не до памяти о далеком былом. Насущные проблемы бы успеть решить. А может, люди уходят. Те, кто помнил и знал войну, и для кого она была самым страшным и незабываемым воспоминанием. Ведь для них это было время, которое они пережили, несмотря ни на что. Увы, но с каждым днем таких людей становится все меньше и меньше, и процесс этот неотвратим. И лишь архивы, значительная часть которых еще не рассекречена и не раскрыта, продолжают хранить о войне многие тайны, часть из которых еще долго-долго не будет оглашена. В первую очередь это касается архивов спецслужб. Но автор этой книги имел доступ к секретным материалам. Более того, у него была возможность познакомиться не только с секретными документами, но и встретиться с теми сотрудниками органов госбезопасности, которые имели непосредственное отношение к этим событиям. К сожалению, многие из них уже не смогут поделиться своими воспоминаниями. Именно поэтому книга, которую вы держите в руках, представляет двойной интерес – и как сборник документов, еще недавно носивших гриф строгой секретности, и как свидетельства людей, участвовавших в этих событиях.

Кстати, и сам автор компетентно и аргументированно комментирует многие факты, поскольку является специалистом в области работы спецслужб, профессионально занимался агентурно-оперативной деятельностью, преподавал в Академии ФСБ России, изучал архивы этого ведомства. Он кандидат психологических наук в той ее части, которая называется оперативной психологией, профессиональный журналист и полковник запаса органов государственной безопасности.

Первые, самые страшные месяцы

Кто проморгал начало войны

Секретные материалы спецслужб о подготовке Германии к войне против Советского Союза

Более полувека мы тешили себя иллюзией, что одной из главных причин отступления советских войск по всему фронту от Балтийского до Черного морей в первые месяцы Великой Отечественной войны стала внезапность нападения фашистской Германии на нашу страну. Но в архивах Федеральной службы безопасности России хранится едва ли не три сотни документов, в той или иной мере свидетельствующих о подготовке немецкого командования к нападению на СССР. Все они разными путями были заблаговременно добыты советскими спецслужбами и переданы в Москву. Почему же Сталин не поверил этим сведениям?

Выяснение военных планов потенциального противника и, в частности, даты начала широкомасштабных военных действий, всегда являлось главной задачей разведки и контрразведки. Информация японской резидентуры Зорге, разведчиков «Красной капеллы» из Германии, Бельгии и Франции, группы Люци из Швейцарии, донесения советских агентов из Рима, расшифрованная посольская переписка, радиоперехваты, сводки с западной границы, рассказы перебежчиков и, наконец, сведения, поступающие по официальным и неофициальным дипломатическим каналам, не смогли убедить политическое руководство СССР предпринять эффективные меры готовности к часу «X» и тем самым избежать огромных потерь и кровопролитного отступления от западных границ до Москвы. Безусловно, Советский Союз готовился к вероятной агрессии, но в обстановке всеобщей, едва ли не маниакальной бдительности страна, и прежде всего ее руководящие военно-политические структуры, оказались захваченными врасплох. Это тем более досадно, что спецслужбы сделали едва ли не все от них зависящее, чтобы предупредить власть о наступающей угрозе.

Среди недавно рассекреченных документов ФСБ РФ особое внимание привлекает «Календарь сообщений агентов Берлинской резидентуры НКГБ СССР «Корсиканца» и «Старшины» о подготовке Германии к войне с СССР за период с 6 сентября 1940 г. по 16 июня 1941 г.». Он составлен по агентурным сообщениям источников советской разведки и особенно интересен в связи с тем, что информация о реальной угрозе со стороны немецких фашистов стала активно поступать еще за три с лишним месяца до 18 декабря 1940 года, когда Гитлер утвердил окончательный вариант плана «Барбаросса». Советская разведка отслеживала не только основные этапы подготовки к нападению на СССР. Всеми доступными путями добывались сведения о сроках военных действий, направлении главных ударов, промежуточных и конечных целях основных наступательных операций и даже некоторые перспективные планы использования оккупированных территорий. При этом назывались не только ориентировочные даты важнейших событий, но и отдельные качественно-количественные характеристики сил вермахта, боевого потенциала германской армии, этапы подготовительных действий, имена главных исполнителей. Более того, в Москву направлялись бесценные сведения о том, какой информацией располагают немцы о состоянии и боеспособности Красной Армии и какие предпринимаются шаги, чтобы ввести в заблуждение советское руководство в отношении реальных планов Гитлера.

Но сначала несколько слов о людях, чьи имена даже после войны десятки лет хранились в глубокой тайне.

«Корсиканец» – Арвид Харнак – доцент Гессенского университета, работал в министерстве хозяйства Германии, ценный агент советской внешней разведки, один из руководителей «Красной капеллы». Сообщал о подготовке Германии к войне, о планах рейха по захвату Югославии и Греции, намерениях захватчиков по использованию оккупированных территорий СССР. Арестован 3 сентября 1942 года и 22 декабря казнен.

«Старшина» – Харро Шульце-Бойзен ценный агент советской внешней разведки, один из руководителей подпольной антифашистской организации «Красная капелла», обер-лейтенант немецкой армии, сотрудник генштаба ВВС Германии. Он сообщал подробные данные о подготовке фашистов к нападению на СССР. Арестован гестапо 31 августа 1942 года, казнен 22 декабря.

В основу Дневника были положены выписки из агентурных донесений этих закордонных источников советской разведки. Вот лишь несколько документов, направленных в Москву за четыре месяца до начала Великой Отечественной войны.

Из сообщения берлинской резидентуры НКГБ СССР (9 марта 1941 года)

«По сведениям, полученным от референта штаба германской авиации Шильце-Бойзена (так в документе. – А.В.) операции германской авиации по аэрофотосъемкам советской территории проводятся полным ходом. Немецкие самолеты совершают полеты на советскую сторону с аэродромов в Бухаресте, Кенигсберге, Киркенесе (Северная Норвегия) и проводят фотографирование с высоты 6000 метров. В частности, немцами заснят Кронштадт. Съемка дала хорошие результаты.

...от двух германских генерал-фельдмаршалов известно, что немцами решен вопрос о военном выступлении против Советского Союза весной этого года (1 мая). Немцы рассчитывают, что русские при отступлении не в состоянии будут уничтожить (поджечь) еще зеленый хлеб, и этим урожаем они смогут воспользоваться.

...по мнению германского генштаба, Красная Армия сможет оказывать сопротивление только в течение первых восьми дней, а затем будет разгромлена. Оккупация Украины должна лишить СССР его основной производственной базы, от которой СССР целиком и полностью зависит. После этого немцы якобы предполагают продвижением войск на восток отторгнуть Кавказ от Советского Союза...»

Наша справка

Украина и Кавказ были, действительно, лакомыми кусками для фашистов. В 1940 году на Украине выплавлялось более 64 процентов всего советского чугуна, почти половина стали, добывалось свыше 67 процентов железной руды, 50 процентов угля, производилось 74 процентов кокса и четверть общесоюзного объема электроэнергии. Республика давала стране 73 процента магистральных паровозов, 67 процентов металлургического оборудования, более 70 процентов сахара.

В Баку из добываемой нефти производилось 80 процентов авиационного бензина, 90 процентов керосина, 96 процентов автотракторных (танковых) масел.

Впрочем, в отдельных случаях советское руководство использовало разведывательную информацию. Полученные из Берлина сведения о нарушении границ германской авиацией перепроверялись, дополнялись информацией из пограничных округов и через Министерство иностранных дел германскому руководству направлялись протесты.

Так, 21 апреля 1941 года поверенному в делах Германии в СССР Вернеру Типпельскирху была вручена вербальная нота, в которой говорилось о том, что в период с 27 марта по 18 апреля произошло 80 нарушений границы СССР германскими самолетами. 15 апреля из-за

неполадок с двигателем на территории Советского Союза у города Ровно приземлился немецкий самолет, в котором были найдены фотоаппарат, несколько кассет с отснятой пленкой и топографическая карта районов СССР по маршруту полета. Это неопровержимо доказывало разведывательный характер полета.

Однако правительство Германии не ответило на этот протест советского Народного комиссариата иностранных дел. Более того, разведывательные полеты стали проводиться еще более активно. В связи с этим 21 июня 1941 года германскому правительству была направлена еще одна вербальная нота. В ней отмечалось, что с 19 апреля по 19 июня было зафиксировано 180 нарушений советской госграницы германскими самолетами.

Ответ не заставил себя долго ждать. На следующий день фашистская Германия начала войну против СССР.

Но вернемся к Календарю сообщений берлинской резидентуры советской разведки. На основании сообщений конфиденциальных источников в нем отмечался в хронологическом порядке самый широкий круг сведений, начиная от изъятия и запрещения книг Толстого и Достоевского, кончая информацией о внешнеполитических действиях Германии накануне войны, планах бомбардировок важнейших военно-промышленных объектов, направлениях главных ударов сухопутных армий.

20.03.41 г. «Корсиканец»

«...Подготовка удара против СССР стала очевидностью. Об этом свидетельствует расположение концентрированных на границе Советского Союза немецких войск. Немцев очень интересует железная дорога Львов – Одесса, имеющая западноевропейскую колею...»

24.03.41 г. «Старшина»

«...Германский генеральный штаб авиации ведет интенсивную подготовку против СССР. Составляются планы бомбардировок важнейших объектов. Разработан план бомбардировок Ленинграда, Выборга, Киева...»

02.04.41 г. «Корсиканец»

«Штаб германской авиации полностью разработал и подготовил план нападения на Советский Союз. Авиация концентрирует свой удар на железнодорожные узловые пункты центральной и западной части СССР, электростанции Донецкого бассейна, предприятия авиационной промышленности Москвы. Авиационные базы под Краковом являются основным исходным пунктом для нападения на СССР...»

Геринг при последней встрече с Антонеску потребовал 20 дивизий для участия в анти-советской акции. В Румынии немецкие войска сконцентрировались на советской границе.

Немцы считают самым слабым местом в обороне СССР наземную службу авиации и поэтому надеются путем интенсивной бомбардировки аэродромов сразу же дезорганизовать ее действия». (Объективность этого сообщения подтвердили первые дни войны, когда более трети советской авиации было уничтожено на аэродромах базирования еще до того, как машины успевали подняться в воздух. – А.В.)

30.04.41 г. «Старшина»

«Вопрос о выступлении Германии против Советского Союза решен окончательно, и начало его следует ожидать со дня на день. Риббентроп, который до сих пор не являлся сторонником выступления против СССР, зная твердую решимость Гитлера в этом вопросе, занял позицию сторонников нападения на СССР...»

09.06.41 г. «Старшина»

«Все подготовительные военные мероприятия, составление карт расположения советских аэродромов, сосредоточение на балканских аэродромах германской авиации должны быть закончены к середине июня».

Последняя информация резидента НКГБ в Берлине, составленная на основании сообщений «Старшины» и «Корсиканца» о подготовке фашистов к войне, поступила в Центр в 6 часов утра 16 июня 1941 года. На основании этого документа в Москве было срочно подготовлено совершенно секретное сообщение, которое подписал начальник 1-го Управления НКГБ Союза ССР (разведка) Николай Фитин. На следующий день нарком государственной безопасности СССР Всеволод Меркулов отправил этот документ в Совет Народных Комиссаров и в Центральный Комитет ВКП(б) Сталину. Ознакомившись с сообщением, вождь всех времен и народов собственноручно написал на препроводительном листке: «Т-шу Меркулову. Можете послать ваш «источник» из штаба герм. авиации к... Это не «источник», а дезинформатор. И. Ст.».

Вот некоторые выдержки из разведывательных донесений, вызвавшие такой гнев генсека.

«Старшина»:

«Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время».

«Корсиканец»:

«...на собрании хозяйственников, назначенных для оккупированной территории СССР, Розенберг (министр по делам восточных территорий. — А.В.) заявил, что понятие Советский Союз должно быть стерто с географической карты».

Эти сообщения и другие материалы, поступившие от Харро Шульце-Бойзена и Арвида Харнака, также были включены в подготовленный руководством внешней разведки Календарь для документального подтверждения выводов об угрозе нападения. Но, помня разгромную резолюцию вождя в отношении «Старшины», нарком госбезопасности Всеволод Меркулов не стал подписывать этот документ и отказался докладывать его Сталину.

Холопская боязнь возражать главе государства была отличительной чертой и Лаврентия Берии. Благодаря этому пострадали и другие советские разведчики и агенты, дипломаты и военные, предоставлявшие объективную и чрезвычайно ценную информацию о подготовке Германии к войне против СССР. Подстраиваясь под взгляды вождя, Берия за день до начала войны пишет в докладной записке: «Секретных сотрудников «Ястреба», «Кармен», «Верного» за систематическую дезинформацию следует стереть в лагерную пыль как международных провокаторов, желающих поспорить нас с Германией. Настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня «дезой» о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщил, что нападение начнется завтра. То же радировал и генерал-майор Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев».

Цитата, как говорится, не требует комментариев.

Достоверные сведения поступали и из других зарубежных резидентур советской разведки.

Сообщение резидента НКГБ в Риме о сроках нападения Германии на Советский Союз.

«На встрече 19 июня 1941 г. «Гау» передал сведения, полученные им от «Дарьи» и «Марты»:

Вчера в МИД Италии пришла телеграмма итальянского посла в Берлине, в которой тот сообщает, что высшее военное немецкое командование информировало его о начале военных действий Германии против СССР между 20 и 25 июня сего года».

От трех независимых источников германского посольства в Токио детали плана «Барбаросса» узнал Рихард Зорге. Секретами особой важности с ним делились военный атташе посольства, берлинский спецэmissар, который прибыл в Японию, чтобы проинформировать посла о политических причинах будущей войны, и высокопоставленный немецкий офицер, сообщивший дату начала боевых действий. Но и эти сведения были проигнорированы Кремлем. Кроме маниакальной подозрительности, у Сталина имелась и особо веская причина не доверять Зорге. Вербовщик этого выдающегося разведчика – Ян Берзин – был расстрелян в 1938 году как троцкист, и черная тень падала на всю завербованную и подготовленную им агентуру. К тому же появилась информация о том, что Зорге поддерживает контакты с офицером безопасности германского посольства в Токио... и может быть немецким осведомителем. В Москве арестовывают и высылают в сибирские лагеря жену Рихарда, где она и погибает. Только нападение Германии на СССР в указанный Зорге срок рассеяло подозрительность в отношении к закордонному источнику. В начале октября 1941 года его сообщение об отказе Японии начать войну против Советского Союза было воспринято с абсолютным доверием. Именно это позволило снять с Дальнего Востока и направить под Москву хорошо укомплектованные, имеющие боевой опыт сибирские дивизии.

Впрочем, иногда подозрительность Сталина к закордонной агентуре имела свои положительные стороны. Спецслужбы фашистской Германии предпринимали активные шаги по дезинформации советского руководства. На связи у резидента НКГБ в Берлине Амаяка Кобулова находился агент «Лицеист», которого чекисты считали проверенным и ценным источником информации. Его сообщения военно-политического характера регулярно направлялись Сталину и Молотову. И лишь после окончания войны было установлено, что «Лицеист» являлся информатором гестапо, через которого наряду с небольшой примесью правдивых сведений продвигался в СССР большой объем дезинформационных материалов по важнейшим военно-политическим вопросам.

О возможности нападения Германии на СССР знала и английская разведка. Еще в августе 1940 года через своего чешского конфидента «А-54» ей стало известно, что нацисты комплектуют свои восточные дивизии «специалистами по России». В ноябре от агента из Хельсинки англичане узнали, что нападение на СССР должно произойти весной 1941 года.

В январе 1941 года от своих секретных источников в Берлине аналогичные сообщения были получены и Вашингтоном. Но только 1 марта эти сведения решили довести до советского посла в США. Чуть раньше посол Великобритании в Москве Стаффорд Крипс ознакомил с аналогичной информацией Кремль, а 28 февраля провел неофициальную пресс-конференцию, где высказал мнение о нападении Германии на СССР уже в конце июня.

Важная информация поступала в Кремль в результате перехвата и расшифровки посольской переписки иностранных диппредставительств, в том числе дипломатической почты стран фашистской оси и ее сателлитов.

Телеграмма турецкого посла в Москве Хайдара Актая министерству иностранных дел Турции. 26 марта 1941 года:

«Судя по заслуживающему внимания донесению, которое шведский посланник в Берлине послал своему правительству и копию которого мне удалось получить... учитывая быстрые темпы подготовки Советской Армии, немцы считают, что акция против России стала настоятельной необходимостью. Этим и объясняется значительное усиление германских войск, находящихся на русской границе. Окончательно установлено, что за последние две – три недели на русской границе производится значительная концентрация войск.

...Политические круги Берлина полагают, что нападение на Россию будет произведено сухопутными силами... Для этого нападения готовятся три армейские группы: Варшавская группа под командованием маршала фон Бока, Кенигсбергская группа под командованием маршала фон Рундштедта, Краковская группа под командованием маршала фон Лееба. Для обеспечения быстрой победы над советскими армиями будет применен план молниеносного наступления из трех вышеупомянутых пунктов. (В начале войны против СССР генерал-фельдмаршал Теодор фон Бок командовал группой армий «Центр»; генерал-фельдмаршал Карл Рудольф Герд фон Рундштедт возглавлял группу армий «Юг»; генерал-фельдмаршал Вильгельм Йозеф Франц фон Лееб командовал группой армий «Север». – А.В.)

...Сообщая вам вышеизложенную информацию, которая заслуживает доверия... прошу держать в секрете».

Телеграмма из Хельсинки в министерство иностранных дел Италии от итальянского посла в Финляндии Винченцо Чикконарди. 19 июня 1941 года:

«Всеобщая мобилизация, неофициально объявленная, сейчас завершена. Страна находится на военном положении. Продолжается прибытие германских вооруженных сил, включая авиационные части. Считается, что Германия немедленно примет решение в отношении СССР».

Но Сталин не доверял ни материалам перехваченной дипломатической переписки, ни, тем более, сведениям, поступавшим от правительств западных стран. Получение этих документов органами госбезопасности он во многом считал результатом деятельности спецслужб империалистических государств по продвижению выгодной для них дезинформации с целью ввести в заблуждение политическое руководство Советского Союза. По его мнению, такие материалы носили провокационный характер и были направлены на разрушение советско-германского альянса и искусственное втягивание СССР в войну, к которой страна была еще не готова. Более того, 14 мая министр иностранных дел В. Молотов заявил, что отношения между СССР и Германией блестящие. Объективности ради стоит отметить, что Кремль, видимо, представлял истинный характер этих отношений, но всячески боялся разрушить этот «худой мир», который в то время был гораздо лучше «хорошей ссоры». Ведь Сталин, безусловно, знал, что войны с фашизмом не избежать. Почему же он не доверял столь убедительным доводам?

Тому были как внешнеполитические, так и внутренние причины. Прежде всего, генсек не верил, что Гитлер может начать войну на два фронта. Сосредоточение сил вермахта на западной границе СССР он воспринимал как способ силового давления в целях получения экономических уступок со стороны нашего государства, выходящих за пределы договора 1939 года. И, пожалуй, самое главное, он боялся, что после упреждающего удара по Германии, к которому подталкивали Советский Союз воюющие с немцами страны, фашисты заключат сепаратный мир с Англией, к которому тут же присоединится США. Избавившись от перспективы войны на два фронта, Гитлер всю мощь своих армий обрушит на СССР. А там, как знать, не перейдут ли англичане и американцы от политики нейтралитета к союзу с нацистами для совместной борьбы против коммунизма? В политике все возможно. Воспоминания 20-летней давности, когда молодая Советская республика воевала одна и против немцев, и против Антанты, не давали ему покоя. У Сталина был острый, изощренный и проницательный ум, но еще более филигранной была его память.

Затягивание Гитлером операции по форсированию Ла-Манша и оккупации Соединенного королевства, перелет 11 мая в Англию Рудольфа Гесса, который занимал третью строчку в фашистской таблице о рангах, также косвенным образом подтверждали идею Сталина, что Германия и Великобритания могут вести большую закулисную игру против Советского Союза. Серьезную озабоченность политического руководства нашей страны вызывала и возможность войны с Японией на восточных рубежах страны, тем более, что прецеденты – крупномасштабные конфликты в 1938–1939 годах на озере Хасан и у реки Халхин-Гол – уже были.

Наша справка

Примерно 10 апреля 1941 года в Москву поступило сообщение агента берлинской резидентуры НКГБ СССР «Юна» о планах германской агрессии против СССР. Ссылаясь на сведения, полученные от сотрудника министерства пропаганды Германии Вернера Айзендорфа, агент, в частности, сообщал, что война на Востоке позволит Гитлеру заключить мир с Англией. В случае нападения нацистов на Россию и Япония вступит в войну против Советского Союза. Для обсуждения этого вопроса Берлин посетил министр иностранных дел Японии Иосуке Мацуока.

Действительно, Мацуока принимал активное участие в подготовке и заключении 27 сентября 1940 года Берлинского пакта о военном союзе между Германией, Италией и Японией. Но, будучи дальновидным, изворотливым и хитрым дипломатом, японский министр иностранных дел хотел оставить за своей страной право нападения на северо-западного соседа в удобный для своего государства момент. Но в тот период Япония увязла в партизанской войне на оккупированной китайской территории, и, судя по всему, уже готовилась к сражениям на Тихом океане с США. Да и сила восточной группировки РККА и советского флота была японцам неплохо известна.

В то же время и СССР хотел на дипломатическом уровне обезопасить свои восточные рубежи. Именно поэтому 13 апреля 1941 года Молотов и Мацуока подписали в Москве с пакт о нейтралитете сроком на пять лет. Но за неделю до этого события глава японского внешнеполитического ведомства посетил Берлин, где детально консультировался с министром иностранных дел Германии Риббентропом. Об этом визите и сообщал в Москву агент «Юна». А общий смысл японо-советского документа сводился к тому, что в случае начала войны против одной из договаривающихся сторон, другая сторона обязуется соблюдать нейтралитет в течение всего периода боевых действий.

Вернувшись в Токио и разъясняя свою позицию германскому послу в Японии Ойгену Отту, Мацуока отметил: «Если между Германией и Советским Союзом начнется война, никто не сможет удержать Японию на позициях нейтралитета», а подписанный с Москвой договор – это способ «обмануть русских или оставить их в неведении».

Уже через восемь месяцев проявилась агрессивная сущность японского милитаризма. 7 декабря 1941 года авиация Страны восходящего солнца уничтожила основные силы американского Тихоокеанского флота в Перл-Харборе. На следующий день США и Англия объявили Японии войну.

Причинами внутреннего порядка, объяснявшими боязнь Сталина спровоцировать военный конфликт с Германией, а потому и маниакально отвергавшего все сообщения разведки о скором начале войны, стали незавершенный процесс перевооружения Красной Армии, слабо укрепленная новая госграница на западных рубежах, отсутствие после знаменитых «чисток» едва ли не половины командного состава и политработников в армии. Сказывался опыт победоносной, но очень кровавой для РККА финской кампании. Вопреки расхожему мнению, Сталин извлек из нее определенные уроки. Но чтобы завершить начатое военное реформирование, создать стратегический боевой и продовольственный запас, развернуть оборонно-промышленный потенциал всей страны на случай особого периода, доработать мобилизационные планы, – требовалось время.

Не удостоились должного внимания вождя и секретные спецдонесения с западных рубежей страны, где силами погранотрядов постоянно велась разведка, в том числе и агентурная, сопредельных территорий.

Из спецсводки Управления погранвойск НКВД УССР от 5 апреля 1941 г.

«...Начиная со второй половины 1940 г. Немецкие власти развернули работы по ремонту, расширению и переоборудованию старых и строительству новых аэродромов и посадочных площадок в погранполосе с СССР».

Из спецсообщения НКВД УСССР от 9 апреля 1941 г.

«По имеющимся у нас данным, поступившим из различных источников, видно, что с начала 1941 г. и особенно за последнее время немецким командованием производятся крупные передвижения войск на территорию генерал-губернаторства (оккупированная немцами Польша. – А.В.) и к границам с СССР.

...Начиная с 12 марта 1941 г. и до настоящего времени через станции Гливице – Катовице – Освенцим в восточном направлении проходит крупное перемещение немецких войск, тяжелой и легкой артиллерии, мотомехчастей и пехоты.

22 марта через эти станции проследовало до 75 эшелонов. 25 марта на пограничную станцию Журавица прибыло 45 эшелонов...

В период с января по апрель 1941 г. немецким командованием продолжался завоз к границе СССР боеприпасов и снаряжения.

26 января на станцию Белжец прибыло 100 вагонов с боеприпасами и амуницией...

В феврале 1941 г. через Белжец прошло 250 вагонов с артиллерийскими снарядами, патронами и снаряжением...

...На аэродром Свидники прибыло якобы до 500 самолетов, на окраине г. Лежайска отстроен военный аэродром, куда якобы прибыло 200 самолетов».

Наша справка

Всего с лета 1940 г. по май 1941 г. на территории захваченной немцами Польши было построено и восстановлено 100 аэродромов и 50 посадочных площадок. На территории самой Германии в эти же сроки было сооружено около 250 аэродромов и 160 посадочных площадок. Очевидно, что эти аэродромы создавались как база для будущих налетов на территорию СССР.

Из донесения замнаркома внутренних дел УССР о военных мероприятиях Германии на 16 июня 1941 г.

«...По данным 90-го Владимир-Волынского погранотряда из Стшижув, Комора и Лужков по направлению к Хородлю (т. е. в сторону советской границы. – А.В.) в течение ночи 14 июня двигались автотранспорт и танки... По оперативным данным 92-го Перемышльского погранотряда в районе Журавицы на железнодорожных путях в целях перевозки бензина немцами сконцентрировано 500–600 цистерн...»

Ценная информация поступала и от закордонной агентуры погранвойск НКВД.

Из сведений закордонного агента «Быкова».

«20 мая на ст. Бяла-Подляска и ст. Хотылово прибыло 400 самолетов, часть их находится в вагонах, не выгружается. В последних числах мая сюда стали прибывать легчики».

Из спецсообщения НКГБ БССР в НКГБ СССР.

«За последнее время на ст. Тересполь и другие приграничные железнодорожные станции стали прибывать вагоны и паровозы новой конструкции... что дает возможность быстро представлять паровозы и вагоны с западноевропейской колеи на широкую, применяемую в СССР.

Сведения о наличии у немцев в непосредственной близости к границе вагонов и паровозов с раздвижными осями подтверждаются данными Управления погранвойск НКВД БССР. По их сообщению, в Варшаве на вагоноремонтном заводе «Островец» производится реконструкция обычных вагонов на модернизированные и якобы имеется заказ на 800 вагонов с раздвижными осями».

Недоверие к донесениям отечественных спецслужб было вызвано и тем, что Гитлер неоднократно переносил сроки нападения – март, апрель, 1, затем 14 мая, 15 июня. Точная дата вторжения была им назначена лишь за шесть дней до фактического начала войны. К тому же Сталин надеялся, что свержение в Югославии прогерманского правительства и последовавшее 6 апреля 1941 года нападение фашистов на эту страну, сможет месяца на три, а то и больше отвлечь немцев от выполнения стратегических замыслов в отношении Советского Союза. Ведь не станет же Гитлер начинать войну на необъятных российских просторах в канун осенней распутицы и суровой русской зимы. Таким образом, будет выиграно семь – девять месяцев, а то и год мирной жизни.

Уже утром 21 июня четыре источника НКГБ и военной разведки указали точную дату войны, а один из них даже назвал время – три – четыре часа утра. Это же подтвердил и немецкий перебежчик.

В тот же день нарком обороны Семен Тимошенко и начальник генштаба Георгий Жуков направили командующим приграничными округами директиву о приведении в боевую готовность войск в связи с возможным нападением фашистской Германии на СССР.

Вот ее текст.

«1. В течение 22–23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) в течение ночи на 22 июня 1941 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22 июня 1941 г. Рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить».

Но даже в этом документе нет четкой и ясной позиции. Штабная витиеватость текста не предписывала конкретных действий на случай начала войны. Ну как можно «в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар» и при этом «не поддаваться ни на какие провокационные действия». Впрочем, менее чем через сутки офицерам и бойцам Красной Армии и флота, которым предстояло выполнить эту директиву, было уже не до выяснения нюансов. Захлебываясь в крови, они ценой собственной жизни преграждали путь врагу. А высшее политическое и военное руководство страны наконец-то поверило информации спецслужб и пыталось предпринять какие-то меры, чтобы остановить фашистские полчища. Но это была уже запоздалая реакция.

Да, советская разведка и контрразведка успешно выполнили стоящую перед ними задачу по выявлению планов фашистской Германии и заблаговременному информированию об этом руководства страны и командования Вооруженных сил. И, тем не менее, раннее утро 22 июня 1941 года стало «неожиданным» и «внезапным» началом самой страшной и кровопролитной в истории нашего государства войны. Недоверие вождя к своим спецслужбам, неумение распорядиться стратегически важными донесениями обернулось миллионами убитых и раненых сол-

дат, неисчислимыми жертвами мирного населения, уничтожением промышленности и продовольственной базы на оккупированных фашистами территориях. А впереди еще были тысяча четыреста восемнадцать дней войны и двадцать восемь миллионов погибших советских граждан. Такова страшная цена недоверия политического руководства страны информации, добытой спецслужбами.

Яков Джугашвили – личный пленник Гиммлера

Концлагерная одиссея самого известного заключенного Великой Отечественной войны

Тайна особой важности

О факте пленения в начале войны старшего сына Сталина знали не многие. Но фраза: «Солдата на фельдмаршала не меняю», произнесенная со знакомым грузинским акцентом в ответ на предложение немцев обменять Якова Джугашвили на Фридриха Вильгельма фон Паулюса, передавалась из уст в уста с легкой руки председателя шведского Красного Креста графа Бернадота то с восхищением и трепетом, то с удивлением и даже ненавистью.

К Сталину можно относиться по-разному, но отказать ему в мужестве – не как Верховному главнокомандующему, а как обычному человеку, отцу, – наверное, нельзя. Уж кто-кто, а он прекрасно знал, какая участь ждет хоть и нелюбимого, но все же сына, оказавшегося во вражеском плену. Или все-таки отцовские чувства заглушила «железная воля» вождя? Ведь 16 августа 1941 года он издает приказ № 270, согласно которому объявляет предателями всех солдат и офицеров Красной Армии, попавших в плен. Этим приказом Сталин формально отрекся и от собственного сына. И не только от него. В приказе отмечалось, что семьи оказавшихся в плену офицеров и политработников подлежат высылке в лагеря. Именно по этому приказу была арестована жена Якова Джугашвили Юлия Мельцер, которая полтора года провела в тюрьме города Куйбышева (Самара).

А ведь Сталин мог спасти своего сына... Но не сделал этого. (Впрочем, сейчас стали появляться свидетельства о заброске в глубокий немецкий тыл групп специального назначения с заданием освободить из плена сына вождя. Но каких-либо документально подтвержденных фактов пока обнаружено не было.)

Не скрою, это достаточно толстое дело из архивов Лубянки я листал с особым волнением. Мне повезло быть первым журналистом, который мог читать не отдельные документы, а весь том целиком – даже без купюр и склеенных (особо секретных – чтобы посторонний не читал) страниц. Публикации, телепередачи и фильмы (кстати, не всегда объективно отражающие архивные документы) появились гораздо позднее. А пока в моих руках материалы Главного Управления Контрразведки «СМЕРШ» за 1941 – 1953 годы – «Дело со справками, письмами, протоколами допроса и другими документами о пребывании в немецком плену и гибели Якова Иосифовича Джугашвили».

Этот том уникален от первой до последней строчки. Далеко не самого низкого ранга оперработники ГУК «СМЕРШ» («Смерть шпионам») завели его в первый год войны, когда вопрос о том, быть или не быть великой стране звучал отнюдь не риторически. Название с упоминанием факта гибели появилось позже, когда стали известны обстоятельства трагедии. А прекратили дело лишь через десять лет после гибели сына – в год смерти отца. (Вот уж, действительно, необъяснимая мистика цифр и дат – сын погиб весной 43 года, отец скончался весной 1953...) Потом эти материалы под грифом «Совершенно секретно» на долгие годы осели в архивах органов государственной безопасности, хотя еще были живы многие родственники самого известного пленника Великой Отечественной войны. С некоторыми из тех, кто знал Якова Джугашвили, мне также посчастливилось встретиться.

Первые известия о том, что Яков Джугашвили находится в немецком плену, пришли летом 1941 года из сообщений немецкого радио. 20 июля на весь мир прозвучало сообщение о том, что сын Сталина – немецкий пленник. В тот же день об этом сообщила и нацистская газета «Фелькишер беобахтер». Уникальную ситуацию фашисты просто не могли не использовать в

пропагандистских целях. В СССР на любые сведения о пленении сына вождя наложили гриф строгой секретности. Но и в Германии многие документы проходили с пометкой «Имперская тайна особой важности».

После войны в зарубежной прессе стала появляться информация, с различной степенью достоверности описывающая одиссею знаменитого пленника. Появились даже свидетельства о том, что Яков будто бы жив. Вновь заговорили о старшем сыне Верховного и в СССР. Как всегда шепотом, как всегда «по секрету» и только «своим».

Шло время. В семидесятых годах в одну из советских художественных кинолент был вмонтирован эпизод о военнопленном Джугашвили. Так был публично нарушен негласный запрет, и о факте пленения и смерти сына Сталина вновь стали выдвигаться похожие и не очень похожие на правду версии. Но табу на документальные материалы по-прежнему оставалось в силе.

Яков – сын Иосифа

31 мая 1948 года в Саксонии, разбирая архив Штаба Верховного командования Германской армии, переводчик органов госбезопасности Прохорова обнаружила отпечатанные на ротаторе два листка с текстом на немецком языке и пометкой «Армейская группа «Центр», отдел IC/AO. Штаб 19.7.41 г.». Это был допрос Я. И. Джугашвили.

«Так как у военнопленного никаких документов обнаружено не было, а Джугашвили выдает себя за старшего сына Председателя Совнаркома СССР Иосифа Сталина-Джугашвили, то ему было предложено подписать прилагаемое при этом заявление в двух экземплярах. На предъявленной Д. (Джугашвили. – А.В.) фотокарточке он сразу же опознал своего отца в молодые годы. Д. владеет английским, немецким и французским языками и производит впечатление вполне интеллигентного человека. Он родился 18 марта в гор. Баку (по другим сведениям – в селе Баджи Кутаисской губернии. – А.В.) от первого брака Сталина с Екатериной Сванидзе. От второго брака с Аллилуевой Сталин имеет 20-летнего сына Василия и дочь Светлану. Данные о том, что Сталин в настоящее время состоит в третьем браке с дочерью Кагановича, Д. называет выдумкой. . . Д. закончил в Москве Высшее техническое училище. Затем он решил стать офицером, учился в артиллерийской академии, которую закончил за 2,5 года вместо пяти. Войну начал 24 июня 1941 года старшим лейтенантом и командиром батареи. По его словам, с отцом разговаривал 16 или 17 июня. (Это была последняя встреча отца со своим старшим сыном, состоявшаяся менее чем за неделю до начала войны. – А.В.) Перед своим отъездом на фронт он смог попрощаться со Сталиным только по телефону. Отец не удерживал его от поездки на фронт и в напутствие сказал ему: «Иди и борись».

Приложение к донесению

«Я, ниже подписавшийся Яков Иосифович Джугашвили, родился 18 марта 1908 года в Баку, грузин, являюсь старшим сыном Председателя Совнаркома СССР от первого брака с Екатериной Сванидзе, старший лейтенант 14 гаубично-артиллерийского полка (14 танковая дивизия). 16 июля 1941 года около Лиозно попал в немецкий плен и перед пленением уничтожил свои документы.

Мой отец Иосиф Джугашвили носит также фамилию Сталин. Я заявляю настоящим, что указанные выше данные являются правдивыми.

(Подпись.)

19 июля 1941 г.».

Отношения между отцом и сыном Джугашвили всегда складывались непросто.

По одним сведениям, Яков до 14 лет воспитывался у тети – А. С. Монасалидзе в Тбилиси, по другим – в семье деда Семена Сванидзе в селе Баджи. В 1921 году юноша приехал на учебу в Москву. Встреча с отцом не была особенно радушной, но мачеха – Надежда Аллилуева – приняла деятельное участие в судьбе пасынка. Яков учился в одной из центральных московских школ на Арбате, а в 1925 году окончил электротехническую школу в Сокольниках. В том же году он женился, но брак не был счастливым. Тем более что и отец был категорически против ранней женитьбы сына. Сталин отказал в какой бы то ни было помощи, что еще больше осложнило отношения между отцом и сыном. По словам дочери Сталина Светланы Аллилуевой, «отец не желал слышать о браке, не хотел ему помогать... Яша стрелялся у нас в кухне, рядом со своей маленькой комнаткой, ночью. Пуля прошла навывлет, но он долго болел. Отец стал относиться к нему за это еще хуже» (С. Аллилуева. «Двадцать писем другу»). В начале апреля 1928 года Сталин писал своей жене Надежде Аллилуевой: «Передай Яше от меня, что он поступил как хулиган и шантажист, с которым у меня нет и не может быть больше ничего общего. Пусть живет, где хочет и с кем хочет».

Отлежав три месяца в кремлевской больнице, Яков с женой Зоей уехали в Ленинград, где поселились в квартире 59 дома № 19 по ул. Гоголя у С. Я. Аллилуева и его жены Ольги Евгеньевны. После окончания специализированных курсов работал дежурным электромонтером на 11-й подстанции, Зоя училась в Горном институте. В начале 1929 года у них родилась дочь, которая умерла, не прожив и года. А вскоре распалась и молодая семья.

На следующий год Яков вернулся в Москву и поступил на теплофизический факультет института инженеров транспорта им. Ф. Э. Дзержинского, который окончил в 1936 году. Затем работа на ТЭЦ автозавода им. Сталина, а в 1937 году он поступает на вечернее отделение Артиллерийской академии РККА.

В 90-ю годовщину со дня рождения Якова Джугашвили мне довелось участвовать в работе семинара, посвященного этому юбилею, и встретиться с Галиной – дочерью Якова Джугашвили от брака с Юлией Мельцер. (Скромная свадьба состоялась в 1938 году, а вскоре родилась дочь.)

Семинар проходил в Военной академии ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого – бывшей Артиллерийской академии, в том самом зале, где слушал лекции Яков Джугашвили. Именно здесь, в 21-ю годовщину Рабоче-Крестьянской Красной Армии Яков принял военную присягу, а в мае 1941 года получил диплом об успешном окончании академии. В этом же году он вступил в коммунистическую партию.

Галина Яковлевна рассказала мне несколько воистину сенсационных фактов из биографии своего отца и старшего сына «вождя всех времен и народов». Оказывается, родился Яков не в 1908 году, как свидетельствуют церковно-приходская книга и все дальнейшие документы, а на год раньше. Но это была не просто формальная ошибка в метриках. Мать, Екатерина Семеновна Сванидзе, и родственники упростили священника поставить в церковной книге более поздний год, чтобы в будущем хоть ненадолго оттянуть призыв первенца в царскую армию.

Много интересных историй было связано с периодом обучения курсанта Джугашвили в артакадемии. Имея высшее образование, Яков был на 10–12 лет старше своих однокашников. Чтобы хоть как-то оправдать большую разницу в возрасте и образовании, кто-то (ох уж это извечное российское холуйство) выступил с предложением присвоить Джугашвили офицерское звание. Но... руководство академии не сочло возможным пойти на такой шаг, и лейтенантом Яков стал только в конце 1939 года вместе с 60 своими сокурсниками. Примерно в это же время Лихачев – директор автозавода имени Сталина, где Яков работал после окончания института инженеров транспорта, дарит «на память» своему бывшему подчиненному автомобиль. Ни разу не сев за руль, лейтенант Джугашвили передает машину в детский дом. В первых курсантских аттестациях Джугашвили отмечалось, что ему недостает знаний по тактике и некоторым специальным дисциплинам, а также четкого командного языка. (Яков вообще был

тихим, застенчивым человеком.) Тем не менее академию он окончил, «проявив хорошие знания и практические умения», в связи с чем «достоин присвоения очередного воинского звания капитан». Однако Сивков – в ту пору начальник академии, в присвоении звания отказал, мотивируя тем, что необходим еще год службы в армии. Не помогли даже родственные отношения «на самом верху».

Тем не менее в тот год на праздничном ужине, посвященном выпускникам московских военных академий, присутствовал сам Сталин. Один из двух тостов, которые он произнес, был «за доблестных советских артиллеристов!» Прошло чуть больше месяца, и многие выпускники академии уже воевали на фронтах Великой Отечественной войны и гибли, защищая Родину.

Фронтная жизнь старшего лейтенанта Якова Джугашвили составила всего 23 дня. С фронта он не успел отправить ни одного письма. Его дочь Галина Яковлевна трепетно хранит единственную почтовую карточку, которую ее отец послал своей жене из Вязьмы по пути на фронт. На почтовом штемпеле дата – 26 июня 1941 года.

О героизме Якова, проявленном в боях с фашистами, писала «Красная звезда». Он даже был представлен к ордену Красного Знамени. Но 11 июля немцы захватили Витебск. В образовавшемся «котле» оказались три советские армии. Когда угроза окружения стала реальной, командир 14-й танковой дивизии полковник Васильев дал приказ батарее Джугашвили отойти первой, а начальник Особого отдела контрразведки дивизии предложил старлею-артиллеристу место в своей машине. Но Джугашвили отказался, заявив, что не бросит своих подчиненных. 16 июля, после 4 дней изматывающих боев в окружении, он попадает в плен.

Плен

Пять миллионов семьсот тысяч советских солдат и офицеров попали в фашистский плен. А при каких обстоятельствах оказался у немцев Яков? Почему без оружия и в гражданской одежде? Куда делись документы? Как немцы узнали, что он сын Сталина?

Однозначно на эти вопросы ответить трудно. Сейчас мы можем лишь воссоздать картину пленения, основываясь на косвенных показаниях немногих людей. Чаще всего – это более-менее точное изложение того, что в разное время рассказывал о себе сам Яков. Живых очевидцев этих событий не осталось – об этом позаботились война и годы, прошедшие с тех давних пор.

Из протокола опроса военнопленного ефрейтора германской армии Ах Эрнста (3 июня 1942 года).

Рассказывая об охране штаба генерал-фельдмаршала Гюнтера фон Клюге, ефрейтор сообщил, что в один из дней середины июля 1941 года в 22 часа к штабу подошла легковая машина, из которой вышли четыре немецких и один русский офицер. Из разговоров Ах понял, что русский – сын Сталина. Подойдя к окну, часовой услышал, как начиналась беседа. Отвечая на вопросы, военнопленный сказал, что он Яков Сталин, женат, имеет двух детей. В плен попал при следующих обстоятельствах: «Наши танки стояли наготове к бою, и он (Джугашвили. – А.В.) не зная обстановки, вышел вперед на разведку, но был неожиданно окружен немецкими танками и взят в плен».

Трудно сказать, чего больше в рассказе немецкого ефрейтора – достоверных сведений, полузабытых фактов или желания если не сохранить, то хотя бы продлить себе жизнь. Однако спустя шесть лет был подтвержден факт неожиданного немецкого прорыва. Бывший командующий 39-м танковым корпусом генерал-полковник Рудольф Шмидт на допросе в МГБ СССР подтвердил, что в середине июля 1941 года между городами Витебском и Оршей его танки прорвались в расположение артиллерийских батарей одной из советских дивизий. В этом бою был захвачен в плен сын Сталина.

Арестованная Главным управлением контрразведки «СМЕРШ» жена одного из бывших сотрудников германского посольства в Москве Елена Кайзер-Грачева показала на допросе 16

июня 1945 года, что ее знакомый эмигрант – бывший артист Московского камерного театра Евгений Вибер участвовал в августе 1941 года в допросе Джугашвили. «Он собирался в момент пленения застрелиться, но не нашел в себе достаточно силы воли, и рассчитывал на то, что его не узнают. Но солдаты части, в которой он служил, сообщили немцам, что он сын Сталина, после чего его срочно доставили в Берлин».

Уточняют эту версию показания комбрига Бессонова и генерал-майора Абрамидзе, находившихся в Хаммельбургском лагере военнопленных № 13-Д вместе с Джугашвили. Со слов Якова, в плен к немцам он попал 12 июля под Смоленском. Перед этим четверо суток находился в окружении. Отстреливался до последнего снаряда и был захвачен ночью в лесу вместе с двумя красноармейцами и младшим командиром только после того, как израсходовал все боеприпасы. Свое родство со Сталиным он скрывал, выдавая себя за некоего Лавадзе. На сборном пункте военнопленных его заставили подбирать трупы наших бойцов. Когда он сел отдохнуть, к нему подошел немец и стал требовать, чтобы он снял свои хромовые сапоги. Яков запротестовал, немец стал угрожать оружием. На шум подошел офицер и приказал отвести пленного в сторону леса, где слышались одиночные выстрелы. Когда Якова вместе с четырьмя другими красноармейцами повели на расстрел, он назвал немцам свою настоящую фамилию и тем самым избежал гибели. На легковой машине его отвезли на аэродром и на самолете доставили в какой-то крупный штаб.

Война умеет хранить свои тайны, но иногда происходит такое, во что трудно поверить. Уже после победного салюта сотрудниками контрразведки был выявлен и арестован бывший власовец Н. Соколов. В марте 1947 года, находясь в Лефортовской тюрьме, он сообщил на допросе, что попал в плен и по заданию сотрудников абвера был помещен в Хаммельбургском лагере в одну комнату с Яковым Джугашвили, чтобы, сблизившись с ним, «выявить его политические убеждения и намерения». Осведомителю удалось узнать, что, оказавшись в окружении и израсходовав все боеприпасы, старший лейтенант Джугашвили уничтожил находившиеся в его распоряжении орудия и вместе с бойцами и комиссаром части стал продвигаться на восток в сторону Витебска. Вскоре комиссар предложил пробиваться в направлении Ленинграда, забрал группу красноармейцев и ушел на север. Через несколько дней в одном из белорусских сел командир батареи Джугашвили вместе с десятком бойцов неожиданно напоролся на немецкую засаду и был взят в плен.

Сейчас невозможно узнать, была ли это объективная информация, или Яков раскусил подсаженную к нему «наседку» и доводил до абвера выгодную для себя информацию. А может быть, из бывшего власовца Соколова на Лубянке выбивали признания, которые хотелось слышать вождю о достойном поведении в плену его сына.

Есть в архивном деле ГУК «СМЕРШ» и материалы о том, что 30 октября 1945 года агент «Шмидт» проинформировал органы безопасности о том, что грузинский эмигрант, член национал-социалистической партии Германии В. Тогонидзе по распоряжению Восточного министерства направлялся в первые месяцы войны в город Просткене, Восточная Пруссия, где находился в плену сын Сталина. Во время встречи с пленником грузинскому эмигранту удалось выяснить, что, находясь в окружении, Яков решил сражаться до конца и покончить жизнь самоубийством, чтобы не попасть к немцам. Но во время рукопашной схватки его ударили прикладом винтовки по голове, он упал и потерял сознание. Очнулся Джугашвили только на следующий день, уже находясь в плену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.